

Борис Левандовский

Сгоревший

Город одиноких

Борис Левандовский

Сгоревший

«Автор»

Левандовский Б.

Сгоревший / Б. Левандовский — «Автор», — (Город одиноких)

© Левандовский Б.

© Автор

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Борис Левандовский

Сгоревший

1

Телефонный звонок раздался, когда Жанна вернулась из малоприятного в слякоть, но вынужденного турне по магазинам – последние запасы кончились еще вчера. Она отнесла пакеты в кухню, там же пристроила сушиться мокрый плащ и лишь затем, перейдя в комнату, сняла трубку. Телефон успел дважды умолкнуть и столько же раз начинал звонить снова.

В последнее время ей звонили не часто, и то больше ошибались номером. А сейчас, скорее всего, пытались связаться из рекрутингового агентства – ничего, никуда она от них не денется.

– Алло?

– Наконец-то, – женским тембром ответила трубка. – Ты уже дома?

Глупый вопрос.

«Нет, в дом забрался вор и говорит моим голосом».

– Кто это?

– Ах ты маленькая склеротичная сучонка...

– Марта?! – Воскликнула Жанна, едва сдержавшись, чтобы не разрыдаться в трубку. Ну конечно, только в ее манере было дозваниваться так, словно она погорелец, забытый в попыхах спасательной командой на крыше пылающего дома. – Когда ты вернулась?

– Час назад. И сразу вспомнила о своей лучшей коллежанке. Знаешь, о ком это я?

– Догадываюсь, – сказала Жанна, видя расплывшуюся, будто через стенку аквариума, комнату. – Молодец, что сразу позвонила.

– Ну? – многозначительно произнесла Марта.

– Ты о чем?

– Не о чем, а о ком – как *его* зовут?

– Никак.

– То есть, – протянула Марта, – хочешь сказать, что ты по-прежнему *одна*?

– И что в этом странного? Или, может, на меня это не похоже?

– Откуда мне знать, за пол года многое меняется.

– Ты надолго? – спросила Жанна, переводя стрелку разговора на другие рельсы.

– Недели на две, может быть, на три. Пока Роберта не направят в новый филиал. А все это время я намерена провести во Львове, так что времени у нас будет навалом... Господи, да ты даже не представляешь, как я рада тебя снова услышать, так близко.

– Тогда приезжай как можно скорее.

Марта долго молчала, как бы взвешивая их короткий разговор и прокручивая в уме фразу за фразой. Затем сказала:

– Выкладывай, что случилось?

Что она могла ответить?

Кошмар вернулся в ее жизнь после трех лет забвения и надежды, что все давно позади – надежно заперто в прошлом, где разложилось на безопасные частицы памяти, как и следует погребенному мертвецу. Вернулся целиком и внезапно, будто никуда не исчезал, а годы относительного спокойствия были всего лишь обманчивым сном.

Она точно помнила мгновение, когда этот погребенный труп вновь обрел плоть. 11 сентября – день, когда в Нью-Йорке падали небоскребы Всемирного торгового центра, а Усама Бен

Ладен, усмехаясь в бороду, объявил войну всему миру. Придя с работы, она включила телевизор и увидела, как в набитое людьми огромное здание врежется пассажирский авиалайнер...

Несколько минут она в шоке следила за происходящим на экране (тем временем еще одно здание протаранил второй самолет), не понимая, то ли это какой-то жуткий розыгрыш, то ли правда, которую отказывался принимать рассудок. Когда вдруг голос диктора отделился куда-то на задний план и вместо огромных клубов черного дыма над Манхэттеном, словно из фильма о вторжении инопланетян, и мечущихся в панике людей... она увидела лицо Анджея, кричащее ей из горящей машины.

С той ночи оно вновь стало преследовать ее в кошмарных снах, от которых, как ей донедавна казалось, она избавилась навсегда, – каждую ночь в течение последних восьми недель. Днем оно выжидало в темной глубине, чтобы тут же проявиться, как фотоснимок на бумаге, стоило ей только закрыть глаза или оказаться в плохо освещенном месте. Оно преследовало ее повсюду.

Но она не могла и не желала говорить об этом по телефону, потому что наверняка разревелась бы, даже не начав, а если бы и смогла... слова, перенесенные проводами, звучат так натянуто и глупо – невозможно донести до кого-то то, что творится у тебя внутри и не может увидеть никто посторонний, даже если это твоя лучшая подруга.

– Приезжай.

После разговора с Мартой гнет невидимых тисков чуть ослабился, но по горькому опыту Жанна знала, что это ненадолго – к ночи они вновь сдавят ее вязкими объятиями, только гораздо сильнее, чем днем.

В десять вечера она приняла сразу три дозы снотворного, чтобы избавить себя от сновидений хотя бы на несколько часов, и отогнала мысль, что, возможно, уже в следующий раз этого количества ее организму, быстро привыкающему к маленьким добрым пилюлям, окажется не достаточно.

2

...Их машина неслась по проселочной дороге, подсакивая на ухабах и ревя мотором – глушитель отвалился и остался лежать поперек колеи, но Анджея это только раззадорило. Он по-идиотски хихикал, вдавливая акселератор до предела и оглядываясь на нее с пьяным злорадством. Жанна проклинала себя за то, что позволила ему опять приложиться к бутылке перед возвращением в город.

Ничего особенного не произошло – всего лишь мелкая ссора. Но подмога в виде дополнительных градусов в мозгу Анджея быстро обрела перевес над здравым рассудком, и его понесло. Теперь он хотел одного: напугать ее до смерти.

И, надо сказать, у него это получилось.

Они каким-то чудом избежали столкновения с встречной машиной, едва успевшей увильнуть с их пути, и Жанна закричала, чтобы он немедленно остановился. Он не реагировал. Тогда она завопила что было сил, почти перекрывая оглушительный рев двигателя и срывая голос. Анджеем, продолжая хихикать как ярмарочный идиот, наотмашь ударил ее по лицу и велел заткнуться.

Жанна ткнулась затылком в подголовник сидения и вдруг с каким-то внутренним опустошением поняла, что беды не избежать. Это был первый и единственный раз, когда он ее ударил.

Ощущение обиды и крови на языке стало последним, что она запомнила, до того, как на одном из виражей машину вынесло с дороги и правое переднее крыло зацепило ствол толстого дерева. Затем все слилось перед глазами в размазанный пестрый хаос...

Они лежали выброшенные в поросший высокой травой и редким кустарником овраг, скорчившись в салоне в неестественных позах. Снаружи доносился шелест вращавшихся по инерции колес, вздыбленных в небо с застывшими, как на картинке, облаками.

Ей, наконец, удалось вывернуть голову так, чтобы увидеть Анджея. Его глаза были закрыты, лицо залито кровью. Дыхание было частым и хриплым. Она позвала его. Через несколько секунд его глаза медленно открылись.

– Мы... разбились?

– Да, – теперь, глядя на Анджея, почти уже трезвого и залитого кровью, она испытывала жалость и страх за него – в большей степени, чем за себя. – Это было дерево. Нас перевернуло, видишь?

– О Йезус... Ты цела?

Она пошевелилась.

– Кажется, да. Только немного болит нога, но, думаю, ничего страшного. Боюсь, тебе досталось гораздо сильнее. Как ты?

Анджеем попытался повернуться к ней и завопил от боли.

– Что? Что? – Она сама почти кричала.

– Кажется, у меня все сломано! Грудь... Мне тяжело дышать. И руки...

– Сейчас, – она кое-как умудрилась открыть дверцу со своей стороны и выбралась наружу. Прихрамывая из-за боли в правом колене, обошла машину и попробовала открыть дверцу с его стороны.

Стекло уцелело, но замок заклинило.

– Я не могу! – Жанне вдруг показалось, что, пока она обходила их перевернутый «фиат», Анджеем умер. Но с облегчением заметила, как он слабо шевельнул рукой.

– Нужно позвать на помощь. Я быстро.

Она похромала к дороге, обходя крутой спуск, где забираться наверх было бы труднее. Ушибленное колено отдавало резкими всплесками боли при каждом шаге.

На полпути она услышала, как Анджей ее окликнул. Это был не просто стон, в его голосе звучало что-то такое, что заставило ее оглянуться с чувством новой беды.

Лишние объяснения не требовались. Из-под открывшегося при ударе капота вились темные струйки дыма. Жанна двинулась обратно к машине, изо всех сил борясь с приближающейся истерикой. Через несколько секунд в сгущающемся дыму блеснули первые язычки зеленовато-желтого огня.

– Ты ничего не можешь для него сделать, – сказал вдруг кто-то за ее спиной.

Жанна повернула голову и замерла на месте. В трех шагах от нее в воздухе висело тело ее отца, раскачиваясь, будто погруженное в морскую пучину.

– С ним покончено, – сказал отец, вернее, изъеденное рыбами и крабами подобие человека, в котором она инстинктивно узнала своего отца. В его колышущихся вокруг головы волосах запутались длинные буро-зеленые водоросли, свисавшие до голых ступней и исчезающие где-то в траве.

Отец погиб, когда ей было шесть лет, выпав ночью в открытом море за борт торгового судна, на котором служил матросом. По словам одного из членов команды, что приезжал к ним домой на поминки и представился его близким другом, здесь не обошлось без помощи зеленого змия. Все, что Жанна помнила об отце, могло уместиться в спичечном коробке ее памяти и еще осталось бы много свободного места. Крепкая загорелая шея с шелушащейся кожей над самым воротником рубашки, смешанный запах табака и одеколона, наполнявший квартиру, когда он приезжал домой в недолгие отпуска – большую часть времени он находился в рейсах, а они с матерью восемь-девять месяцев в году проводили, ожидая его возвращения. И еще ей запомнился вечер перед последним, как оказалось, отъездом отца. «Ты опять будешь плавать на большом корабле, папа?» Он улыбнулся и усадил ее к себе на колени. «Нет, плавают известные вещи, а моряки – *ходят* в море», – ответил отец. Она хотела спросить, что такое «известные вещи», но забыла и потом долгое время, если слышала это выражение, думала, что речь идет о чем-то, связанным с морем.

И вот теперь, спустя много лет, когда в десятке шагов от нее в разбитой машине умирал ее будущий муж, ей среди бела дня явился этот морок.

Она услышала, как Анджей вновь позвал ее, и только тогда сдвинулась с места. Но по дороге не смогла удержаться и оглянулась назад. Если там, над травой, что-то и было, говорившее с ней голосом ее отца, то теперь оно исчезло.

Жанна, хромая, поспешила к машине. Этот эпизод был надолго вытеснен из ее памяти тем, что последовало вскоре.

Рядом с «фиатом» она ощутила сильный запах бензина, языки пламени из-под капота уже облизывали задранные вверх передние колеса; левое еще продолжало медленно вращаться. Жанне казалось, что время невероятно растянулось, будто внутри него раскрылись тайные ниши, глубокие, как артезианские скважины. На самом деле с момента аварии прошло меньше трех минут.

Она наполовину пролезла в салон через открытую дверь и потянула Анджея за руку:

– Давай с этой стороны!

Он завопил от боли.

– Другого выхода нет! – Жанна потянула снова. – Помоги мне!

– ОТПУСТИ!

Она знала, что причиняет ему невыносимую боль, однако едкий дым уже просачивался внутрь салона через смятый триплекс ветрового стекла.

– Ты должен мне помочь, я не смогу сама!

– НЕЕЕЕТ!... – заорал он, когда Жанна решительно вцепилась в него обеими руками, и взглядом указал на дверь с его стороны.

– Ее заклинило! У нас нет времени! Мы...

– Еще раз!

– ...взорвемся!

Спорить дальше было невозможно. Задыхаясь и кашляя от дыма, Жанна выбралась из машины; огонь успел опалить ей волосы.

– Куда?! Вернись, курва! ВЫТАЩИ МЕНЯ! – заорал Анджей.

Она снова оббежала «фиат» и стала дергать дверцу водителя. Искажённое лицо Анджея все время было прямо перед ней; огонь уже добрался до его тела, устроив жуткую трапезу, о чем Жанну оповестил запах горячей плоти.

Дверь не поддавалась.

Возможно, она продолжала бы это безнадежное сражение с намертво заклинившим замком, пока на ней самой не вспыхнула бы одежда – и тогда, может быть, она все равно продолжала бы дергать и дергать – но, когда Анджей вдруг крикнул, что все случилось из-за нее, Жанну это внезапно сломало.

Она стала отползать от машины; высохшая, скрученная жаром трава хрустела под ее коленями. Почти теряя сознание, Жанна посмотрела туда, откуда неслись страшные звуки, издаваемые человеком, за которого через месяц она собиралась выйти замуж. И навсегда пожалела об этом.

Сквозь пламя она увидела, что волосы у Анджея уже исчезли, кожа на лице вздулась огромными волдырями и, будто оплавляясь, пластами сползала вниз. Только его глаза выглядели не тронутыми огнем, они были переполнены исступленной ненавистью и... Они были жадными.

Он что-то продолжал кричать сквозь гул огня, что-то по-польски, и Жанна, к счастью для себя, уже почти ничего не понимала. Этот кошмар, казалось, тянулся недели и месяцы... Она желала только одного: чтобы Анджей наконец...

3

– Умри же... умри! – В тот раз конец его крикам положил взрыв, в этот – и в сотнях других – пробуждение от кошмара.

Жанна подобрала с пола упавшее одеяло, укрылась с головой, вновь переживая события того Дня, когда жизнь поделилась на «до» и «после», события, что возвращались в ее снах с фотографической точностью каждой детали.

Родственники Анджея, приехавшие из Польши, чтобы увести его останки домой, ни разу не навестили ее в больнице; впрочем, Жанну это не слишком удивило. Даже сам Анджей никогда не скрывал, что его мать и прочие члены его многочисленной семьи с самого начала не одобряли его выбора.

Через несколько недель после катастрофы она стала постепенно приходить в себя, через два месяца он перестал сниться ей каждую ночь и звать из охваченной огнем машины, через полгода – она уже могла подолгу не вспоминать о нем вообще.

Как странно, о той аварии на ее теле совершенно не сохранилось никаких напоминаний – ни шрамов, ни даже следов от десятков мелких ожогов. Ничего.

И вот что-то вдруг сдвинулось не в том направлении в огромных вселенских часах.

Она провалялась в постели до половины пятого утра, хотя еще раньше знала наверняка, что больше не сможет заснуть. Затем поднялась, сварила кофе и занялась уборкой квартиры. Последний раз она мыла полы вчера, незадолго до того, как легла спать – ну и что с того?

Когда-то, до тринадцати лет, Жанна очень хотелось научиться писать стоя – привилегия, которой Бог обделил половину человечества. Теперь она не стала бы жаловаться на то, что родилась женщиной, потому что всегда могла отыскать себе какое-нибудь бесполезное занятие по дому и не сожалеть о напрасно потраченном времени.

Когда-то она вообще думала иначе.

4

– Но зачем было кидать работу, вот чего я не могу понять. Ведь тебе уже не двадцать, чтобы...

– Ладно, поздно слезы лить. – Жанна выбила ногтями мелодичную дробь о край бокала с шампанским, которое принесла Марта и которое, подобно джину, было выпущено из бутылки по случаю их встречи сразу после того, как они обнялись в коридоре и минуту разглядывали друг друга в поисках примет, оставленных временем за те шесть месяцев, что они не виделись.

– Вообще-то, меня оттуда попросили, но позволили сохранить лицо, – добавила Жанна, вставая с кресла перед журнальным столиком, чтобы наполнить обедневшие бокалы.

– Даже так? – изумилась Марта. – И ты не стала бороться после тех лет, что им отдала? К тому же, такие референты, как ты, по-моему, на дороге не валяются. Они еще будут жалеть.

– Честно сказать, я даже была рада, – Жанна грустно улыбнулась. – Удивительно, что меня вообще так долго терпели... последнее время все буквально валилось из рук.

– Неужели все так серьезно?

Жанна не ответила, только подумала, что ей уже и не двадцать восемь – и очень скоро первая цифра ее возраста одним щелчком сменится более солидной «тройкой», будто в маленьком окошке счетчика такси: щелк! и что-то в тебе меняется – незримо, но что-то важное, что понимаешь, лишь оглянувшись назад. Поэтому боишься. Только ее такси снова несется в полосе непроглядного тумана, из окна не разглядеть дороги впереди... И от этого страх становится еще сильнее.

– Ты меня слушаешь? Ау, я где-то здесь, – Марта была вынуждена подать знак, чтобы привлечь ее внимание, словно стояла на другом конце лесной поляны и встречала заблудившуюся подругу.

– Что? Да, конечно... Извини.

– Да что с тобой такое?

– Я просто подумала, что когда тебе двадцать, кажется, жизнь только начинается, а к тридцати считаешь, что все лучшее уже в прошлом.

– Осень, – сказала Марта. – Это все долгая осень. Сколько помню этот город: немного зимы, немного лета, остальное – осень. Если бы стали выбирать столицы для времен года, я бы голосовала за Львов как за столицу с сентября по ноябрь. Наверное, так оно и есть на самом деле – тут Ее главная резиденция. Ответ – осень. И еще нерегулярная половая жизнь. Все, что нужно для черной депрессии.

Если Марта хотела заставить ее улыбнуться, то ей это удалось. Как почти всегда удавалось (слава Богу, ей хватило такта не завести речь о психиатре, как героине второго плана в какой-нибудь дурацкой мыльной опере).

– Представь себе, первая новость, которую я услышала, вернувшись в этот город, была о парне, перестрелявшем своих бывших одноклассников на похоронах в Брюховичах. А последнюю пулю выпустил себе в рот.

– Я тоже слышала, – кивнула Жанна. – Кажется, он убил пятерых или шестерых, если не считать родителей, которых позже нашли дома.

Марта передернула плечами.

– Не могу даже представить, что способно толкнуть перерезать глотку собственной матери. Но знаешь, что самое странное? – Она с некоторым замешательством посмотрела на Жанну. – Он приснился мне в самолете, когда мы с Робертом летели из Брюсселя в Киев. Я хочу сказать... я ведь тогда еще ничего не знала, понимаешь? Во Львове мы оказались только через два дня, пока Роберт не решил кое-какие дела в Киеве, да и у меня не было времени смотреть телевизор. В том сне я увидела, как этот парень стрелял, и они падали, один за дру-

гим... А до того, как пустить пулю в себя, он встал над вырытой могилой, куда едва успели опустить гроб, и начал кричать: «Мы выиграли? Мы выиграли?» – словно обращался к кому-то. Это было так жутко. А потом выстрелил последний раз. Многое из того, что я слышала позже, совпало. Веришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.